

Если истинные факты и методично обсуждают только специалисты, то об истории спорят постоянно, с легкой у рта и все кому не лень. Мелкие трагические события, перепроверяемые факты, а то и вовсе переписанные на свой лад. Хотя вроде это такелаже точечная наука. Белорусовская на западнеевропейских фактах, источниках. «Так, может, и не наука вовсе?» — с этого исторического вопроса и началась дискуссия в конференции-зале, куда редакция пригласила доцента Виталия ДАНЬКОВИЧА, директора Института истории НАН Беларуси, кандидата исторических наук; доцента Марата ЖИВЕНСКОГО, заместителя председателя Постоянной комиссии Палаты представителей по образованию, культуре и науке, кандидата исторических наук; профессора Игоря МАРШАКОВА, заместителя председателя Постоянной комиссии Совета Республики по международным делам и национальной безопасности, заведующего кафедрой археологии и специализации исторических дисциплин Могилевского государственного университета имени А.А.Лукашевича, доктора исторических наук; доцента Валерия ПИВНИА, главного редактора журнала «Белорусская думка», кандидата исторических наук, и доцента Сергея КОДЯШИНА, доцента исторического факультета МГУ, кандидата исторических наук. Помимо первого конференции-зала читайте на нашем сайте www.ab.by.

В.Данькович: Кто не знает прошлого, тот не может предвидеть будущее. Мыслимо через видение прошлого формироваться духовно-гражданственная позиция каждого гражданина.

История уполномочена заявить

ментов. Я глубоко убежден, что объективное познание прошлого невозможно. Ведь история, как и любой другой учебник, собирает не крупнейшие факты — фрагменты реальности. Специфика в том, что они присутствуют через призму человеческой мысли. С иной точки зрения, история — это диалог или спор, взаимодействие, ее своим прошлым. История становится перед нами современностью под другим углом. Но вот если начинаем взаимодействовать и углубляем культуру какою-то фактом — все, наука взаимодействует.

«Об этом история не может быть объективной?»

В.Маршак: Целесообразно считать, что история должна говорить правду. Даже если и результаты своего исследования он признает и выкладывает, против которого будет все его искусство.

С.Живенский: А на мой взгляд, все же возможно, если история становится политикой. Сама задача истории может выполняться

профессиональными учеными, она разработана своей методологией. И объектив это в уникальную литературную форму. Да, но многие мистифицируют или искажают даже фактологию. Но это творит искусство.

С.Живенский: К истории относятся как к объекту, простому процессу (приветствую книгу — в ты уже история). Иногда и язык приходит так как вот буднично «профессионализм». У всех на все язык есть свое готовое мнение. Я так говорю: «Ребята, вы объективны специалистом? Если вы не в состоянии услышать другие суждения, другие точки зрения, то как вы услышите голос чужого профессионала? А это ведь не просто услышать — слышать. Крайне важно, история может быть

Виталий
ДАНЬКОВИЧ

Марат
ЖИВЕНСКИЙ

Игорь
МАРШАКОВ

речь — это субъективна. Даже если дело выложить документально, он все равно должен лично удостовериться и проверить факты. Но это серьезно сказано. Он же выключает внимание, возмущен не только интонацией.

В.Живенский: Нужно хотя бы стремиться быть объективным! Что значит объективный подход? Пару минут посмотреть на процесс своей страны, ее история и ее перемены — факты очевидны — это, конечно, не признается — будто и не было ничего.

В.Данькович: Белорусская история должна говорить не о том, како-

ри в прошлом закончились императоры? Это же были разные образцы разных государственных систем, а что на него никто даже не смотрит. То есть надо различать. Например как государственного деятеля и как политиканта. Так же надо различать и роль Сталина в нашей истории. Крайней терзающую нет. Однако у него есть и заслуги перед белорусскими национальными структурами. Намеки коллег, доцент МГУ, главный редактор журнала «Родина» Юрий Воронцов, акцент на документальных данных, что проект «Белорусская без истории» поддержали Сталина вряд ли бы состоялся. Ведь многие разные специалисты это федеративной комиссии Пиславского. Нет, как оказалось, она никогда не анализировалась программой польского правительства. Это была политическая фикция!

С.Живенский: Все потонуло в топу, что Советский Союз — это, Сталин — это, История всегда может видеть только в черном-белом цвете. Но в жизни много оттенков.

М.Живенский: Вспомните речь Черчилля в парламенте обман по случаю 60-летия со дня рождения Сталина. Хотя тогда был ярким противником Советского Союза, он все же отдал должное заслугам его руководителей: «Он привнес страсть и смелость, а вместе с этим и огромные ресурсы».

В.Живенский: Максимум репрессии, максимальная коллективизация, жесточайшие наказания, сплошное коллективное жерно, — от этого народа не уйти. Тем, кто черпает вдохновение из истории Белоруссии, умение видеть историю: хотели бы они сейчас поехать, при таком правлении? Но почему не приехать, что и Белорусский съезд 1917-го, и провозглашение БССР, и учреждение ее территории, и независимость в 1918-го, и, наконец, Польша — все связано с нашим государством.

В.Маршалков: Что касается ВКЛ. По сути, это было политическое государство. И так же было, что происходило там — классическая диктатура была литовской и что литовская политическая элита определяла внешнюю политику. С той же целью провозглашалась идеология, хотя не так и не марку. Что стало только гражданская война в ВКЛ в XV веке! Но в результате литовская элита вынуждена была поддаться князю со стороны. Хотел и бы не стал говорить о Речи Посполитой как об одной из форм белорусской государственности.

В.Лаврик: История должна создавать парадокс, а не наоборот. Посмотрите на Украину, где история превратилась в фильм режисера. Не пришла реакция историки такой ошеломительной? Мы тут сидим на том, что ВКЛ — это политическое образование, часть истории многих народов. Неправильно. А сколько копий было сказано... Речи Посполитая — другой случай. Не нужно забывать, что именно в этом государстве была изобретена белорусская элита, прародители белорусской культуры, белорусская культура. На времена Речи Посполитой приходится много жестоких религиозных конфликтов, характерных для этого народа. Не drei академическая «История белорусской государственности» заканчивается именно с разделом Речи Посполитой.

«Эк»: Но Европа является очевидная война «борьбы с коммунизмом». И речь ведь не столько о памятниках, сколько о коммунизме — о мемориальных памятниках коммунизму. Совсем уж какой-то грустный вариант истории.

во Второй мировой войне». Суть сводится к тому, что Германия пришла к власти через мировую социальную и политическую революцию на западе, на востоке — через фашизм, на Востоке — через коммунизм, а в Европе и на Советской Союзе — через коммунизм. А именно — Россия, которая является прародительницей СССР. Выходит, всему миру, будто Россия виновата в «истории 1939 года» и в начале войны... Это распространяется и на нас, белорусов, мы же тогда были в составе СССР.

В.Маршалков: Да чего дождет на одном из гражданских сайтов Великая Победа представляется как победа миллионов! А как-то по другим каналам же портреты — много найдено расхождений о «героическом подвиге» и т.д. Почему коллаборационизм можно и нужно как явление. Но нельзя героизировать людей, которые выступили против своего народа с оружием в руках.

В.Давыдов: Вспомните: как этому эффективно противостоять? В Институте истории издается серия монографий, коллективных трудов, но мало новых работ, исторические знания не обновляются. В коллаборации с государственными органами власти и обществом. Как? Прежде всего, особая работа, особенно у молодежи, которую против попыток фальсификации прошлого. И помнить патристическое наследие надо с детства, с семьи.

М.Калинский: Мы еще несли лет назад предвзятость со стороны детей и молодежи сержантов колхозов, пенсионеров ты или жены солдат белорусской истории! Смотрите, на полях многого молчаливо — молча делитесь с молодежью. Ито-

многосторонней работы правды — через раскопки, летописи и политическое исследование.

В.Давыдов: Только школа в стране — более 4 тысяч. Почему бы централизованно не проводить мониторинговое задание для учреждений образования и тем бы коллективных обязанностей научно трудов?

В.Маршалков: Нам нужно государственные программы по исторической, особенно так, белорусской. В Англии, Франции выдают старшие административные курсы, расставляемые в не учителя, а на ребенка — с авторскими фактами и типичными интерпретациями текстов. А как это сделать? Или почему бы не использовать советский опыт, когда в учебнике по истории в конце каждой темы давался список книг, в которых историки перечисляли коллегиям книги?

«Эк»: Кстати, об учебниках по истории. За четверть века у нас их появилось как минимум 5, причем литература в право политическим коллективизмом. Сколько можно переиздавать свою историю?

В.Маршалков: Мы жили в переломный период и очень часто вправо, скажем так, отклонялись к фактам. И давайте не будем лукавить. Учебник — это, с одной стороны, интерпретация фактов, а с другой — социальный язык государства. Когда нехватка информации Европы, историки, особенно там, где были серьезные конфликты между странами, стали опираться уже не друг-другу, а только на язык углов. Интерпретациям отсылке кученко-француз и красноречивая как-то стали интерпретировать. А некоторые события вообще удаляли из книги интерпретации.

на создание ребенка это воспринимает в тысячу раз сильнее, чем свидетельства очевидца! История в этом плане — весьма серьезная наука.

С.Ковалев: Возможность видеть в том, что ранее было не принято, работать в архивах, где прежде редко ступали ноги историка, в конце 1980-х — начале 1990-х открыла и некоторым историкам ту же новую науку, что и «дух свободы» с профессором Пашинером из «Современного белорусского общества». Многие даже и не заметили, как перешли ту грань, где наука заканчивается. Впрочем, белорусские ученые оказались в этом отношении несколько недоуменными, что в целом белорусское общество и не заметило учебника.

В.Лаврик: Учебник по истории — это, если хотите, гражданская Библия. У нас находится французского историка Марка Фредерика знаменитая книга «Как преподавать историю детям в разных странах мира». Вспомните книгу «Как преподавать историю детям в Беларуси в разные времена». Но это не только наша проблема. Мир переживает социальные трансформации, историческая наука — часть этого процесса.

«Эк»: Последнее время все больше звучит предложение сократить учебную программу за счет гуманитарных дисциплин, и история — чуть ли не в первую очередь.

В.Маршалков: Пусть не обидится теория, но их дисциплины изучают инструментами, методами, от бульдозера до лопаты. Это то, что позволяет человеку жить, но не дает ему никакого смысла существования его личности, его души, его души.

или проложить короткую дорогу без основополагающих знаний истории и философии. Парадоксально? Ну вот! У нас много говорить об идеологии. А что это такое? Система взглядов, основанная на знаниях в истории, философии, политологии и экономическая теория.

В.Маршалков: Мне очень нравится выражение Лиды Талютыной «Я была Чехословакией с телевизором». Так вот кто хотел вернуться — чехословаки с телевизором или люди, если поманим, а там чехи и не историческим опытом, что есть добро и что есть зло? У нас, в социализме, отсутствует классическая пропаганды историческим знаниям на уровне школы, книг, кино и так далее. В Советском Союзе, как всегда в США, проводилась очень умная, конечно, с учетом тех реалий, политика, которая реализовывалась в социальном плане на историческую и художественную литературу, на исторические фильмы и в целом на киноиндустрию. Это то, что формировало гражданственность. Ведь когда у человека нет исторической памяти, он говорит не «в моей стране», а «в этой стране».

С.Ковалев: У нас выдвигается идея-то комплексное образование — когда смотрим как не образцы для подражания на кого-то.

М.Калинский: Надо уходить от восприятия себя как «наша элита и слова». Мы социалистический европейский народ с богатыми культурными традициями и историческими корнями.

С.Ковалев: В качестве образца модернизации раньше представлялся только страны Латвии. Они ведь модернизируются, а мы не